

УДК 630*6(476)

**РЕНТНЫЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ЛЕСНЫМИ РЕСУРСАМИ БЕЛАРУСИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА***канд. экон. наук, доц. Т.В. КАШТЕЛЯН**(Белорусский государственный технологический университет, Минск)*

Автором выполнен анализ теории ренты и рентных отношений экономики лесного комплекса с акцентом на своеобразии рентно-институциональных детерминаций национальной экономики. Представлена авторская система поэтапного видения и целостного раскрытия проблемы рентной идентификации экономики, связанной с созданием и использованием лесных ресурсов. Рассмотрено отношение «хозяйство-общество» как одно из явлений, ставшее предварительным воплощением лесной ренты. Проанализированы истоки и отдельные оригинальные направления теории рентного механизма управления лесными ресурсами, которые основаны на развитии социально-экологической среды посредством финансовизации лесной ренты. Определены возможные аналитические слагаемые формирования рентного потенциала лесов. Предложено рассмотрение экономического механизма управления лесными ресурсами Беларуси как совокупности связей в национальной системе лесного (вос-)производства сквозь призму необходимости позиционирования рентной детерминации экономического поведения акторов. Это предполагает рассмотрение результатов функционирования институтов сквозь призму экономической практики и социально-экологических издержек.

Ключевые слова: *рента, рентные отношения, хозяйство-общество, детерминация, институты, факторы, финансы, присвоение, трансформационная рента, социально-экологические издержки.*

Введение. Лес представляет собой сложнейшую систему взаимодействующих экологических, социальных и экономических компонент. Его широкая функциональность в условиях стремительно нарастающих изменений климата и социально-экологических паттернов общественного развития не может рассматриваться сквозь призму некоего данного благополучия страны. Считается, что Беларусь обладает действенной экологической сетью, однако создаваемая стоимость, которая в мировой хозяйственной практике идентифицируется в качестве природной ренты, на базе отечественных практик хозяйствования не выступает правомерным источником покрытия природоохранных затрат и целенаправленной функцией воспроизводства природных ресурсов. В системе институтов лесных отношений Беларуси рента является своеобразной «персоной нон грата» – «нежелательной» категорией. Это обусловливается общей исторически сложившейся государственной системой формирования финансов макроуровня, институциональной неопределенностью (сложностью, противоречивостью выделения на уровне денежного оборота мезоэкономических субъектов) в экономике страны в целом.

Ключевые проблемы рентной идентификации экономики обусловлены совокупностью экономических интересов, стоящих за определенными группами акторов. Многие авторы отвергают непреходящее значение рентных отношений и выстраивают модели экономического развития за счет общепризнанных источников – заработной платы, предпринимательской прибыли. В то время как «процент» на вложенный капитал рассматривается преимущественно с точки зрения инвестирования в основные фонды как часть прибыли. Последняя категория является одной из «вдохновляющих», способных присовокупить к отношениям труда и капитала термин «рентный доход», и, естественно, вместе взаимодействовать. Сосредоточенность на «процентных» отношениях зачастую осложняется недоисследованными свойствами природного капитала и нахождением естественной нормы его возврата, поэтому имеет место своеобразное «замещение» участия в производстве фактора «земля» динамично нарастающим процессом взаимовлияний трех составляющих – прибыли, налогов и заработной платы.

Специфику детерминации отечественных экономических отношений поставщиков и переработчиков лесных ресурсов можно сформулировать как особую, уникальную институциональную систему, основанную на позиционировании потребительной стоимости, создаваемой природой и технологиями, действиями профессиональных групп в условиях сложившейся социальной структуры общества. Как отметил О. Уильямсон, «социальный контекст, в котором реализуются транзакции – привычки, нравы, обычаи и т. п., имеет значение, и, следовательно, его необходимо учитывать при анализе контрактов, осуществляемых в условиях разных культур» [1, с. 60]. Социальный контекст рентной детерминации экономики лесного сектора Беларуси призван представить многофункциональную ресурсную парадигму на уровне обобществления производства, контрактных отношений и действующих интересов собственников в условиях мультиформатной модели лесопользования (с учетом многогранного положительного влияния леса на уровень и качество жизни населения). Функционирование лесных ресурсов, биоценозов, биосферных благ – это основа жизнедеятельности человека. Раскрытие экономических причин, обуславливающих модели социально-экономического развития регионов и государства в целом, – важнейший этап в реализации принципов устойчивого развития отдельных территорий и национальной экологической безопасности нашей страны.

Лесной сектор принадлежит к числу важнейших сегментов экономики Беларуси, создающих многозначительные подспорья для жизни граждан, их здоровья, экономической и экологической безопасности. Экономическая практика управления лесами Беларуси достаточно медленно реагирует на вызовы современности, связанные с гармонизацией отношений общества и природы, она не в силах наглядно и убедительно демонстрировать прогрессивные тенденции изменений, обеспечивающие широкое применение ресурсосберегающих способов производства, направленных и на сохранение качества окружающей среды, и на инновационность развития. Это доказала ситуация, сложившаяся с экспортом заготовленного древесного сырья весной 2019 г., когда созданная ресурсная база лесоматериалов осталась недоэксплуатированной внутри страны. В условиях зависимости от внешних источников финансирования, функциональной связанности отраслевых и межотраслевых комплексов, ориентации на самовозрастание капитала с помощью предпринимательства важную роль приобретает «рентный механизм» управления лесными ресурсами как «феномен», соединяющий социально-экономическую структуру общественного производства и системы управления производственными комплексами и инфраструктурой.

Акценты на построение моделей развития экономики в рамках научных обоснований фундаментального характера неразрывно связаны с «событийностью» земельной ренты как одной из наиболее ранних категорий теории и практики. Рентные основы функционирования систем природопользования получили широкое применение в лесных секторах развивающихся и развитых стран. Теория ренты берет свое начало еще с середины 18 века. Такие ученые, как А. Смит, Д. Рикардо, У. Петти, К. Маркс, Д. Ворчестер и многие другие, не мыслили процессов, совершаемых в природе и обществе, без термина «рента». Среди авторов современности (конца 20 и начала 21 века), исследовавших проблемы рентных отношений в контекстах различных производственных связей России, необходимо отметить руководителей научных коллективов (Д.С. Львова, А.А. Блохина, И.А. Буданова, В.А. Волконского [2]), докторов наук аграрного профиля – Д.Д. Лукманова, Н.М. Светлова, Г.А. Ефимову и др. Что касается рентных отношений лесного сектора, то значительный вклад в теорию ренты внесен Н.А. Моисеевым, Н.М. Большаковым, А.П. Петровым, С.В. Починковым, А.В. Третьяковым и другими учеными. В литературных источниках белорусских авторов также рассматриваются способы формирования институциональной и природной ренты и позиционирование ее в рамках бухгалтерских счетов субъектов национальной экономики [3–5]. А.В. Неверовым и другими исследователями выделяются два аспекта функционирования рентных отношений в зависимости от функций, выполняемых ресурсами в отношении общества (хозяйственное назначение ресурсов и климато-инфраструктурно-обеспечивающие условия) – экономическая и экологическая ренты соответственно [3]. Что касается современных зарубежных исследований ренты, то они охватывают широчайший диапазон как формального, так и аналитического представления рентных отношений (от отображения основных различий между экономической прибылью и исследуемой категорией до выстраивания эффективных стратегий рентоориентированного поведения в многоуровневых системах экономического развития) [7–9; 12–19].

На современном этапе социально-экономического развития Республики Беларусь предпринимаются меры по формированию рыночных лесоэкономических отношений и совершенствованию законодательного обеспечения рычагов и методов регулирования отраслей как лесного сектора в целом, так и лесного хозяйства в частности. Государственная система управления природными ресурсами должна учитывать особенности функционирования отдельных отраслей и комплексов для того, чтобы грамотно оценить экологическую и экономическую безопасность, обосновывать прогнозы использования ресурсного потенциала и состояния окружающей среды, выстраивать инновационную политику развития.

Целью статьи выступает раскрытие проблемы научного обоснования рентного механизма управления лесными ресурсами Беларуси, служащего в долгосрочном периоде важнейшим направлением стабильно развивающейся экономики и социально-экологического благополучия страны.

Основная часть. Начнем с того, что любое исследование (видение проблемы) может находиться на разных уровнях абстрагирования. Утверждение в мировом экономическом пространстве рентной составляющей крайне разнообразно. Это обусловлено и естественным ходом исторических событий, и эволюционными достижениями процесса творческого мышления, и институциональными влияниями, и политическими конфликтами, возникающими в рамках процессов финансирования различных проектов и текущих расходов природопользования. Экономическая дифференциация знаний по поводу рентной идентификации общественного производства обозначается, как правило, в трех исследовательских направлениях – микро-, мезо-, макроуровень.

Согласно указанным общепринятым «векторам» экономической структуры знаний, можно выделить и теоретические подходы, объясняющие природу ренты лесного происхождения. Они зарождаются и «продвигаются» вперед в зависимости от стадий, опосредующих проблему первичного ресурсного потребления, «идут» по пути дальнейшего расширения и углубления знаний с учетом формируемых внутри производственных систем (фирм, отраслей) и заданных извне факторов и условий. На наш взгляд, существуют также три направления изучения ренты как категории национальной экономики в целом – производственное, рыночное и трансформационное.

Методологическим инструментарием производственных концепций является построение моделей ренты, связанных с историческим доминированием земельных отношений. Это – традиционные структур-

ные подходы к присвоению стоимости землевладельцем. Рыночные (лучше сказать, адаптационные) концепции сводятся к результативности всей системы факторов производства с учетом действующих финансовых механизмов экономики (взаимодействия маркетизированных и немаркетизированных отраслей), в которых характерными чертами рентных отношений являются как особенности ресурсов, так и прав на них, принадлежащих различным экономическим агентам. В рыночной интерпретации теория ренты представляется системой взглядов, ориентированных на сферу обмена, «давление» конкурентной среды, предполагает подходы к изучению накопления прибавочного продукта и др. Именно в рамках такого рода «ренто-фигурантов» объясняется «ресурсное проклятие» стран. Так, Р. Торвиком в [6] продемонстрировано, что реальная задача поиска ренты осложняется большим числом предпринимателей, и, соответственно, сокращением числа создателей прибавочной стоимости.

Теоретические исследования по рентным отношениям опосредуются огромным количеством информации. Трансформационные концепции возникли сравнительно недавно и связываются с исследованиями взаимосвязи между рентой (точнее, рентными отношениями, в которых позиционируется определенная стоимость) и экономическим развитием. Они предполагают исследования взаимодействий между рядом элементов взаимодействующих систем: государственного регулирования, рыночным и общественным секторами экономики. На пути к полномасштабным моделям ренты в русскоязычной экономической литературе, включая труды белорусских авторов, введены понятия «статусной», «административной» и «институциональной ренты» [2; 5]. Это свидетельствует о том, что рентные «эффекты» встраиваются в структуру целостного хозяйственного механизма, координирующего экономическое развитие на базе имеющегося разнообразия и своеобразия институтов. Считаем целесообразным на уровне мезоэкономики идентифицировать трансформационную ренту как экономическую категорию, основанную на сочетании отраслевого генетического и целевого подходов, связанных с функционированием активов и установлением «правил игры» их получения.

Особый научный интерес вызывает становление системы управления экономическим развитием, формируемой, прежде всего, лесными ресурсами. В конце прошлого столетия итальянскими учеными [7] выделены две концепции рентного содержания, сформированные с помощью глобальных технологий и входящими в глобальное пространство техническими системами. Экономические модели поведения акторов, которые исследовали авторы, обнаружили, что рента с ее «готовностью платить» и «рассеивающими эффектами» обуславливает потребление ресурсов социума в соответствии с «технологической» фундаментальностью. Ограниченность, невозпроизводимый характер ресурсов, права собственности – главные признаки природной ренты [7].

Систему многомерного пространства рентных отношений на отраслевом уровне можно представить в следующем векторном изображении (рисунок).

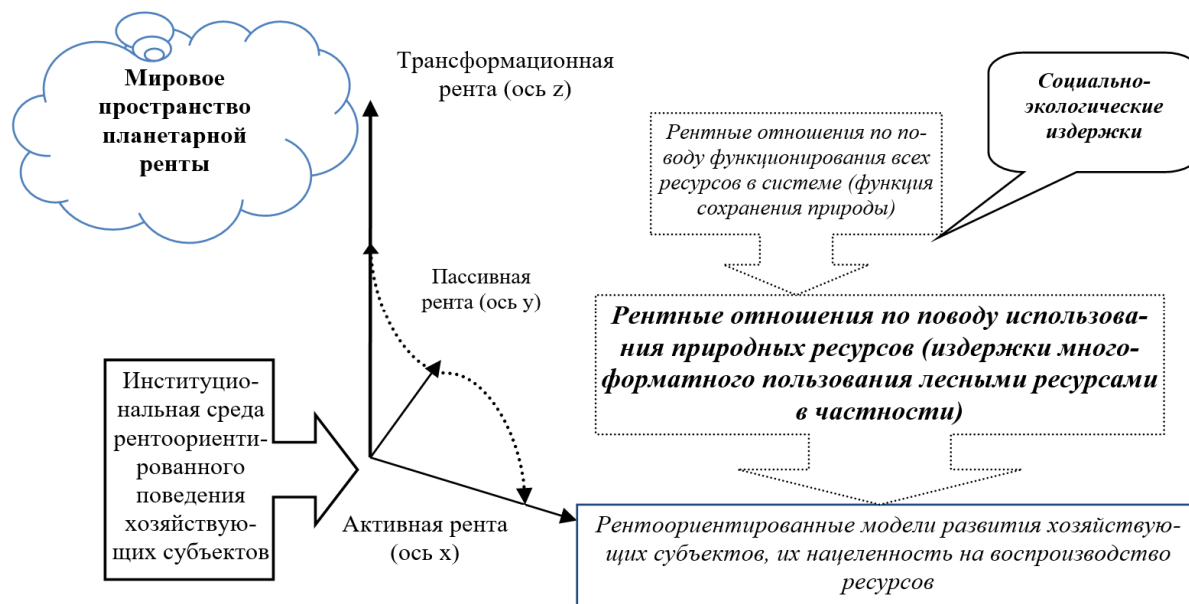

Рисунок. – Многомерное (векторное) пространство рентных отношений (отношение «хозяйство-общество»)

Рента представляет собой ни что иное как стоимость, возникающую в производственном отношении «хозяйство-общество». Она, выступая в качестве источника целенаправленности отдельно взятых от-

ношений в системе «хозяйство» и ее результата, способна «работать» в виде «проектного макета» поведения экономических агентов (встречающихся на рынке покупателей и продавцов). А на уровне общей структуры экономических отношений, объединяющих указанные элементы в единое целое (отношение «хозяйство-общество» в рамках национальной экономики), предполагает природно-ресурсную функциональность в зависимости от целей общества (общих социально-экологических издержек).

Рента – это категория институционального порядка и экономического режима хозяйствования. В этом смысле исходными пунктами в понимании механизма управления природными ресурсами вообще (в рамках национальной экономики) являются концепции поиска и существования ренты (*rent-seeking* [8] and *rent-leaving* [9]). Теория поиска ренты (*rent-seeking* концепция) выступает прообразом для исследований последствий принятия решений в области распределения и перераспределения созданного продукта, социально-экономической эффективности систем в связи с «манипулированием» финансовыми потоками и оттоками. Рента – это специфическая форма дохода и фактор динамики хозяйственного механизма одновременно, что определяет эволюционное количественное и качественное изменение взаимодействия глобальных и «встроенных» технологий. На современном этапе развития экономической теории выделено более 30 видов рент. С точки зрения функционирования экономики как единого целого и требований постоянного принятия решений в системах управления на разных уровнях хозяйственной деятельности нами выделены две формы ренты [10] – активного и пассивного направления. Если активная форма ренты фокусируется в системе хозяйствующих субъектов, то пассивная, определяемая величинами активной, направляется на решение глобальных проблем экономики, выполняет функцию сохранения природы посредством институционального распределения и перераспределения («манипулирования» финансами).

Теория поиска ренты свидетельствует о том, что соединение частных рентоориентированных политик отраслей природопользования (в контексте позиционирования природно-ресурсной ренты) является очень непростым вопросом. В лесном секторе Беларуси рентная политика характеризуется тем, что изымается часть добавленной стоимости лесной промышленности, которая (условно проходя через бюджетную систему) поступает в виде дохода на счета государственных лесохозяйственных учреждений. Отрасль лесного хозяйства представлена комплексными предприятиями, т.е. институциональными единицами, выступающими как изготовителями, так и потребителями (в небольших объемах) древесного сырья для дальнейшей переработки. При лесохозяйственных организациях переработка носит второстепенный характер, охватывает потребности местного населения, проживающего в небольших городах и селах. Основной целью указанных субъектов является выполнение лесовосстановительных, лесозащитных, лесоохранных, противопожарных и других эколого-социальных функций. Позиция менеджмента организаций лесного хозяйства определяется как направленная на получение такой части добавленной стоимости, которая характеризуется связью с природно-ресурсной составляющей. Рентный механизм управления лесными ресурсами, реализующий в строго ограниченном смысле принцип «загрязнитель платит», без плодотворного применения принципа обратной «связи» ренты в лесном хозяйстве нельзя признать исчерпывающим. Ключевую роль в экономических отношениях лесного хозяйства и лесной промышленности указанная «лесная рента» не играет, хотя при рассмотрении ее как прямой формы пофакторного дохода можно идентифицировать в виде стоимости полезной услуги «земли».

В условиях рыночной диверсификации и переплетения интересов, постоянного усложнения и интеллектуальной насыщенности управления, оппортунистического экономического поведения акторов выделены изначально две дефиниции рентоориентированности агентов, обусловленных влиянием изолированного восприятия экономической действительности преимущественно в рамках двух блоков ресурсов («труд» и «финансы»). Первый сложнейший конгломерат, имеющий отношение к ренте, рассматривался многими учеными-экономистами, главным образом, с позиций функциональности текущего периода. «Отход» от моделей признания собственности как существенной структурной связи общества, ее главенства в отношении предоставления ресурсов как конкурентных преимуществ хозяйствующих субъектов, способствовал «централизации» ренты как нетрудового излишка. В контексте трудовой теории К. Маркса о земельной ренте можно сказать то, что в стремлении собственников к ее получению (исходя из наемного труда работников) недоиспользуется описательная структура и «динамические возможности» содержания самого «стремления» (управленческих, маркетинговых, организационных стратегий). Раскрытие его («стремления»), на наш взгляд, «выходит» из систем измерения организации рынков и рыночной стоимости и объясняется, в большинстве своем, сочетанием прав собственности, транзакционных издержек (институциональное направление). Сегодня нельзя не согласиться с тем, что оппортунистическое поведение субъектов, встроенных в социальную структуру общества «пронизывает» все направления экономического анализа. Результаты отечественных исследований по лесным экономическим отношениям также указывают на подобного рода нерешенные вопросы между рыночной и нерыночной «логикой» деятельности субъектов [3, с. 149].

Дело в том, что обращение к элементу общественной системы «финансы», ориентированный на достижение определенных целей благосостояния населения, взятое вне факторов экономической среды (поведенческих паттернов и нарративов, разноуровневой конкуренции, денежно-кредитных и налогово-

бюджетных факторов) часто служило на базе отечественной практики моментом, «предупреждающим» о невозможности рентных отношений. Проще говоря, рента на базе отраслей природопользования ассоциировалась с нетрудовыми и непроизводственными отношениями, поэтому не приобрела своих особенных системообразующих характеристик и экономических возможностей. До сих пор понимание хозяйственного механизма как способа присвоения результатов экономической деятельности только «по труду» является основой философского уровня познания экономических реалий. И это вполне оправдано было на определенном уровне абстракции (в русле однофакторной теории процента с физического капитала). Не вдаваясь в полемику с некоторыми концепциями рентоориентированного поведения, корреспондирующими сугубо с системой «труд» (имеется в виду живой труд, но не овеществленный), отметим современную парадигму финансовизации, которая отражает как дифференциацию условий развития по производственным и транзакционным направлениям деятельности, так и определяет способы присвоения доходов. Оценка финансовых показателей фирм и отраслей может быть решающей проблемой управления устойчивым развитием на основе ренты, что связано и с использованием категории «справедливая цена», и с множеством других фундаментальных терминов (к примеру, издержки сохранения природных ресурсов), которые предоставляют информацию для землевладельцев и пользователей.

В коллективном труде, посвященном 40-летию теории поиска ренты [8], зарубежные исследователи утверждают, что поиск ренты в широком контексте обусловлен инвестированием, которое не приносит значительных эффектов для производства и его эффективности. Начатые Г. Таллоком определения рентной детерминации экономического развития стран посвящены оценкам влияния факторов защиты прав собственности, коррупции, отраслевых тарифных политик, протекционизма, социального неравенства и другим явлениям, определяющим результаты экономической деятельности в масштабах стран и их группировок, являющихся актуальными в современных реалиях и условиях принятия управленческих решений различного уровня. Акценты на непродуктивном потреблении ренты связаны с системой государственного регулирования. Так, к примеру А. Л. Хиллманом по результатам анализа рентных практик в [8] отмечено, что следует различать трансферты, направленные на повышение доходности или других социальных положительных эффектов, так и социальные издержки «увода» финансовых средств, что отрицательно сказывается на общей эффективности экономики. Другими словами, если рентоориентированное поведение не вносит продуктивных вкладов в развитие общества, то оно «генерирует» социальные потери. Способности к продуктивной рентоориентированной деятельности закладываются посредством производительного (в широком смысле) приложения финансов и грамотным перераспределением добавленной стоимости, а не простым поиском ренты (как источником неэффективности).

Оценка предпосылок и потенциальных возможностей получения ренты и прибыли достаточно дискуссионна, многолика, дискретна во времени. Конкретика лесной ренты на базе отечественных лесохозяйственных организаций проявляется и через физическую собственность снабжения потребителей древесным сырьем, и через транзакционное направление по договорам изъятия ресурсов из природной среды (в период функционирования активной «ренто-формы»). Развернутый экономический анализ рентных отношений в экономике природопользования основывается на переходе от производственных концепций к «институциональной ренте» государства как системы реально достижимых и социально приемлемых результатов и условий экономического развития. Что касается отраслевого круга задач рентной идентификации лесного сектора и рентного механизма управления лесными ресурсами в целом, то он предполагает учет входящего параметра – состояния «рантье» (пассивная рента), динамического параметра – изменений в лесопользовании (активная рента) и институциональной трансформации как средства реализации экономической политики государства.

Институциональное реформирование отраслей и комплексов природопользования во многом определяет эффективность функционирования «живых природных систем». Согласно позиции А.В. Неверова и коллектива соавторов, соподчиненность терминов управления лесными ресурсами и лесами в общей системе лесопользования разграничиваются посредством «ухода» в социализацию природной составляющей (что является «близким» понятием к системе управления собственностью), с одной стороны, и приближением к теории фирмы, ориентированной на воспроизводство лесных ресурсов, с другой стороны [3, с. 102]. Соединение эволюционной экономики и теории фирмы имеет свое продолжение в «нормативной» концепции экономических агентов и отраслей. На наш взгляд, принятие решений по поводу ресурсов в рамках широкого организационного контекста – это «прохождение» указанной системы управления ресурсами через триаду «(вос-)производство – адаптация – развитие» [11].

В начале нынешнего столетия Р. Макадок [12] предложил различать два разнообразных подхода к тому, какими способами создается экономическая рента. В рамках так называемого механизма рентопродуктивности (создания рентного потенциала по Р. Макадоку) менеджеры конструируют организационные схемы повышения эффективности использования ресурсов, т.е. рационализируют природопользование. Другой механизм основан на статичном изъятии финансов (на попытках перехитрить рынок ресурсов при сборе финансовых средств) [12]. Рентный механизм управления лесными ресурсами – это «маржинальный» подход к экономической целесообразности и социальной значимости лесов как целостных

образований. В нем фискальная эффективность рентных отношений подлежит анализу в рамках форм активности, будь то финансирование экологических мероприятий или же незаконное происхождение средств. Анализ теоретических подходов к управлению лесными ресурсами на основе рентной парадигмы связан с разработкой систем ресурсной конфигурации лесного (вос-)производства, созданием потенциалов биоресурсного потребления (в широком смысле, т.е. по отчуждаемым и неотчуждаемым благам лесов, их потреблению, рынка экосистемных услуг и др.). Важно изучить реальную «работу» по созданию экономической ренты активной и пассивной форм, чтобы грамотно распределить «функционал» субъектов по указанным Р. Макадоком направлениям экономического поведения акторов.

Национальное лесное (вос-)производство исходит из системы земельных отношений нашего общества. Внеисторически позиционируют себя модели экономического роста и развития, выстроенные на базе факторов – труд, капитал, земля. Можно прибегнуть к масштабным экономико-математическим приемам и методом, демонстрируя конвертацию ресурсных моделей развития в инновационные. Однако все они по своей сути не антагонистичны разносторонней, многоярусной системе рентообразования. В свою очередь осмысление ее сущности в контексте институционализации рынков природных ресурсов помогает устанавливать реальную картину взаимосвязей в экономических системах. Отраслевые «финансы», возникающие в сфере производства и затем распределяемые и перераспределяемые в национальной экономике, – ключ к познанию рентопродуктивного поведения, приводящего к рационализации создания и использования природных ресурсов.

Путь к выявлению ренты лежит через создание рентных ресурсов (классический экономический анализ). Считаем, что полезным было бы выделять частные потенциалы образования лесной ренты с точки зрения институционального подхода. Образование лесной ренты должно оцениваться в рамках методологических концепций глобальных и встроенных в природу технологий [7], соответствующих целям получения почвенно-продукционного (под- и наземного) и биосферного (надземного) потенциала благ. Образование ренты – это процесс, адекватный использованию рентных ресурсов с позиций внутреннего и внешнего институционального пространства отраслей. На базе отечественных практик важно учитывать, что воплощение теоретического наследия «непроизводительного по труду» и «невоспроизводимого» характера природной среды в практической цепочке создания стоимости на базе лесных ресурсов предоставило достаточно мало возможностей для обеспечения легального получения ренты на стадии лесного (вос-)производства.

Единого подхода к определению лесной ренты до сих пор не существует. Лесопромышленная цепочка добавленной стоимости выступает категорией первостепенной значимости в процессе лесного рентообразования. Главенство в триаде «государство – человек – природа» принципов налогового управления и кодировка формируемых рыночных отношений с узконаправленным потребительным подходом, не учитывающим приоритеты производства над распределением, явились причинами смещения условных долей рентных доходов в формах субъектно-объектных лесоземельных отношений и купли-продажи лесных ресурсов. Арендная плата, широко обсуждаемая российскими учеными как стоимость воспроизводства лесных ресурсов и рента в ней, по Н.С. Большакову [13], затраты воспроизводства «плюс» лесная рента как таковая, по Н.А. Моисееву [14], подчинены выявлению истинной проблемы трансфера созданной добавленной стоимости в пользу лесоводства (безусловно нуждающегося в источниках своего существования). Ключевые проблемы «ущербной» воспроизводимости лесных ресурсов Беларуси заключаются в том, что возникшие в конце прошлого столетия дискриминационные ценовые механизмы, оказались способными выполнять только фискальную функцию. Они были не единственными инструментами в управлении биологическим потенциалом лесных земель, направленными на так называемое «антирентное» измерение функционирования лесов в экономике Беларуси. Проблемы современности заключается и в «теневых» лесных отношениях, и в адаптационных возможностях территорий, и в эффектах «обратной волны», которые связаны с переходом триады «стоимость – рента – финансы» в сферу экологических преимуществ и наоборот (когда результативность функционирования отношений природопользования не связывалась непосредственно с проблемами количественного и качественного измерения воспроизводства природных ресурсов).

Академиком Н.А. Моисеевым теория земельной ренты в отношении рынков лесных ресурсов была подвергнута критике [14]. Ее начало было разработано немецкими лесными экономистами Л. Пфайлом, И. Хундесхагеном (1828), Г. Кенигом (1864), М. Фаустманом (1849) [15]. Последний из указанных авторов основал подход к организации активной ренты собственников, ведущих оптимизацию заготовок древесины. Однако он рассматривал ренту с позиций изолированной системы – заготовленного древесного сырья. Позже была разработана модель наивысшей доходности, в которой оборот рубки выступает в качестве периода капитализации активов, представляющих более широкую «картину» лесоэкономических благ. Многообразие парадигм, характеризующих «продвижение» и «презентацию» рентоориентированного поведения делают невозможным отнесение ренты только к традиционному подходу «генерации» добавленной стоимости, основанному на арендно-рентных отношениях. Рента лесного происхождения стала термином активного, рыночного направления, связанного с поведенческими финансами отраслей лесного хозяйства и других, продуктивной составляющей координации экономических отношений общества (в пользу усиления положительных эффектов природной среды, повышения роли социально-экологических институтов).

Исследования рентного механизма в рамках трансформационной концепции связаны с «качеством» институтов. Решающая роль институтов в стимулировании финансового развития США исследована в [16; 17]. В модель природно-ресурсной ренты (основанную на капитализации природных активов) были включены показатели образования населения и промышленного развития. Авторы институционального направления исследований справедливо отмечают, что необходимо учитывать жизненно важную роль взаимодействия институционального качества с управлением доходами (рентой), т.е. с рентным механизмом управления ресурсами, особенно это важно в связи с появлением коррупционных сделок. Основные выводы зарубежных исследователей сводятся к тому, что следует обосновать «каналы», по которым природная рента может способствовать финансово-экономическому развитию, а также «следует уделить внимание эффективному распределению финансовых средств между различными секторами экономики путем исчерпывающего понимания институционального качества и его сдерживающей роли в развитии» [16].

Институциональная организация воспроизводства лесных ресурсов играет важную роль в процессе рентиобразования. Она, на наш взгляд, связывает функции «владения и пользования ресурсами леса» [3, с. 103] посредством финансовых притоков и оттоков (в их основе – отчуждение-присвоение). Полная модель природной ренты отличается информационной сложностью, так как во многом обращена к социальным институтам и «рентным» ограничениям. Но она способна выступать одним из основополагающих подходов к лесной ренте. Рента от природы – это вклад, детерминированный как текущим рыночным обменом, так и возмещением потраченных расходов в системе компаундинга, когда цена земли инспирируется «вложениями» в сферу глобальных технологий. Так, академик Н.А. Моисеев, критикуя систему лесных отношений России, открыто заявил, что лесное хозяйство «... тот колодезь, в который нельзя плевать, от него зависят жизнь и благосостояние утоляющих жажду» [14]. Подчеркивая отсутствие преемственности во взглядах на рентную тематику, указанный ученый не зря приводит формулу платежей за лесные ресурсы, состоящую из двух частей – «лесной ренты, или чистого дохода, и затрат на воспроизводство используемого ресурса» [14, с. 22]. Такой подход к определению ренты, как добавочной стоимости сверх экологических затрат, объясняется сложившейся системой финансирования лесного хозяйства, которая не предполагала расширенного воспроизводства лесных ресурсов. «Ведь, природоохранный труд не противоположен ориентации на систему эффективного лесопользования, он базис последней. Лесоводство без лесопользования, есть "лесоводка"» [14, с. 22], – парирует указанный автор.

Отметим, что в теоретических воззрениях прошлого века рента как платеж системы «хозяйство» преимущественно «отрывается» от стадии «воспроизводства» факторов производства и связывается с ценами «неэквивалентного и непропорционального рыночного обмена» [7]. Теоретические идеи непродуктивности ренты и общества, ищущего ренты с позиций «экономики привилегий», представлены в издании Г. Таллока 2013 г. [18], они дополнены исследованием ренты как средства достижения целей (что для лесного комплекса в контексте успешной реализации задач экологического управления означает «инвестирование» в улучшение и сохранение базовых природных условий). Однако проблемы современного этапа развития лесных рентных отношений Беларуси заключаются в том, что рентные оценки ресурсов (древесины), которые административно устанавливались долгое время на низком уровне, пройдя через стадию рыночного обмена, приобрели «остаточно-устойчивый» характер. Следует обратить внимание не только на недооценку по стоимостному критерию «лесной ренты», но и на «поверхностный» подход к определению источников воспроизводства лесных ресурсов, и на не выверенные институциональные изменения в пользу более децентрализованной лесной политики с развитием «чувства хозяина» у директоров лесхозов. В ходе исторической смены учений о ренте консервация «остаточной» парадигмы на базе отечественной практики лесных отношений во многом способствовала пониманию исследуемой фундаментальной категории как системы безучастного отношения «хозяйство-общество» к воспроизводству лесных ресурсов. Понятия стоимости воспроизводства лесных ресурсов, на наш взгляд, должны рассматриваться в контексте рентного (финансового) потенциала лесов.

Рентный потенциал лесов с учетом траектории инноватизации развития белорусского общества в значительной мере должен опираться на финансовые и институциональные факторы, однако их нельзя сводить сугубо к целевому программному поведению экономических агентов, получающих прямые источники финансирования. Он является важнейшим элементом пространственной организации Беларуси, включает в себя систему элементов, которые могут быть сгруппированы по следующим признакам:

– по предназначению в системе «хозяйство-общество» (хозяйственные ресурсы и климато-инфраструктурно-обеспечивающие функции); их оценку стоит производить с точки зрения глобальных и «встроенных» технологий – по частным показателям, например, составляющим биоресурсного блока (растительный и животный мир), по комплексным показателям или интегральным – с учетом всего арсенала выполняемых функций (глобальные технологии), к ним относятся водоохранные, водорегулирующие, противоэрозийные, углерододепонирующие и другие функции;

– по глубине исследования с точки зрения общества (имея в виду лесные ресурсы) стоит различать оценки подземных и наземных почвенно-продукционных, а также биосферных возможностей, включая

медико-оздоровительные, рекреационные, эстетические и др. (стоит осуществлять углубленное изучение их развития в рамках страны, трансграничного сотрудничества и мирохозяйственных связей).

Рентный потенциал лесов Беларуси (в обозначенном смысле финансов) заключается, прежде всего, в формировании эффективной экономической системы, основанной на присвоении-отчуждении производственных запасов леса и потреблении социально-экологических функций. В результате динамичности, изменчивости бизнес-среды экономических агентов лесного сектора, влияния институциональных факторов как интеграционного механизма структурных изменений рентный потенциал во многом имеет «трехполюсное наполнение»: макро-, микро- и мезоэкономика. При рассмотрении рентного потенциала в контексте мезоэкономики можно охарактеризовать его в виде исторически устойчивого производственного отношения «хозяйство-общество», служащего целям благоприятного функционирования социума (благодаря взаимосвязанному решению задач повышения конкурентоспособности и инноватизации экономических агентов). Он неразрывно связан как с институциональными основами воспроизводства человеческого капитала, так и со всей остальной совокупностью факторов обновления экономики нашей страны. В конечном счете – это реализация пространственного потенциала 40% территории Беларуси.

(Вос)-производство – важный этап управления ресурсами, он предполагает как стадию производства, так и возврат ренты в экономическую систему для поддержания экологического равновесия. Любой индивид, приступая к ведению хозяйственной деятельности, задумывается об источнике воспроизводства ресурса. Рентные отношения – это диспозиция «поля битвы», согласно которой возможен переход добавленной стоимости в издержки, направляемые на «генерацию» социально-экологических «приобретений» общества и социальных потерь. Мотивы рентного содержания (выполнения рентно-воспроизводственной функции) реализуются через структуру цены. В условиях государства процессы воспроизводства не изолированы от состояния отраслей. Они взаимообусловлены противоречивым накоплением и движением финансового потенциала производства и воспроизводства страны по всем видам продукции (работ, услуг), рыночных и нерыночных ресурсов (маркетизированных и немаркетизированных секторов). Национальное воспроизводство, отражающее все аспекты рентообразования и потребления, на стадиях распределения и перераспределения не лишено «перекачек» денежной ренты от одних институтов к другим. Поэтому рентный механизм управления лесными ресурсами, основан как на рыночных обменах, так и на транзакциях, опосредующих усилия собственников по увеличению добавленной стоимости и ее рациональной локализации, потребления.

Взгляды на проблематику в рамках ренты лесного происхождения (в условиях ограниченного мезоуровневого денежного оборота лесопромышленного комплекса) нацелены, как правило, на абстрагирование от макроуровня. Они как правило: а) зависимы от характеристик ограниченности ресурсов (связаны главным образом с производством, но инициируются в сфере распределения финансов); б) формируются в условиях различных специфических контрактов (институциональных режимов собственности), что предполагает их юридическую обоснованность; в) предполагают обеспечение двух форм деятельности (относительно текущего периода) – активной и пассивной, направленных на формирование общих организационно-экономических условий осуществления рыночных обменов и инфраструктуры, позволяющей вести хозяйствование в национальном и глобальном масштабах. Лесная рента в рамках горизонтальных и иерархических взаимосвязей отчетливо проявляет себя не только как «ресурсный функционал», но и как способ осуществления стратегических и текущих функций управления экономикой для достижения целей политической экологии.

По своей сути лесная рента характеризует образование, распределение и использование той части национального дохода, который может восполнить производственные запасы леса. Отечественная таксовая стоимость древесины на корню заменяет лесную ренту лишь в строго ограниченном смысле. Она реализует принцип «загрязнитель платит» (лесопользователь платит), отражая лишь статическое состояние лесопользования (движение физической собственности в процессе материального снабжения). Транслирование задач «зеленой» экономики предполагает, на наш взгляд, не только установление стоимости рентного платежа через организационный блок управления лесными ресурсами (на уровне затрат воспроизводства), но и оценку местных институциональных стратегий, упирающихся в «пределы роста». В этом смысле рентный механизм управления лесными ресурсами – это своего рода «общение» с рынком двух контуров: мезо- и макроуровней. Кульминацией такой «коммуникации» являются определенные институциональные каналы, позволяющие выстроить образ будущего саморазвития (включая самофинансируемую и самокупаемую систему хозяйствования лесных отраслей на микроэкономическом уровне), что в перспективе позволит выйти на реализацию экологических императивов в новом политическом цикле нашей страны.

Таким образом, имея в виду ключевые противоречия рентообразования (производства и последующего извлечения), отражающие как материально-вещественную, так и нематериальную структуру общественного производства, следует констатировать, что рентный механизм представляет собой систему связей хозяйственной деятельности, которую можно причислить к природно-дивидендной в соответствии с маргинальным подходом интерпретации отношения «хозяйство-общество». Нами представляется рентный механизм управления лесными ресурсами Беларуси в социальном контексте с присущим ему явлением трансформационной ренты, зависящим от внутренних преобразований в экономических отношениях

лесного хозяйства и лесной промышленности, оптимизации участия государства в экономической деятельности отдельных отраслей и в целом национального лесного воспроизводства, информационной состоятельности рынков, создающих стимулы к саморазвитию. Можно сказать, что у «институциональной ренты» государства имеется ее отраслевой аналог «трансформационная рента». Гипотеза данной категории базируется на формально-неформальных институтах, правилах «игры», где есть высокая договороспособность и ответственность за экономико-экологическое развитие страны (восполнение потраченных природных богатств и их приумножение на инновационной основе).

Заключение. Теория ренты в институциональном контексте содержит обобщения социализации природных ресурсов, предполагает формирование контуров саморазвития экономики на основе прав собственности и транзакций. Очевидно, что для практики лесного хозяйства Беларуси характерно относительное абстрагирование от рентного механизма управления лесными ресурсами в смысле концепций (*rent-seeking, rent-leaving*), что не содействует гармоничному развитию экономики и экологии. Лесная рента как пофакторный доход общества представляется «оторванным от жизни» умозаключением, и только экономические механизмы управления ресурсами позволяют осознать рентную детерминацию экономического поведения акторов.

Общая теория ренты, способствующая долгосрочным положительным результатам социально-экономического развития, – это одно из фундаментальных направлений исследований, призванных ответить на вопросы о стимулах к производственной деятельности и так называемому рентопродуктивному потреблению через перераспределение доходов от одних акторов к другим (с помощью правил и норм, т.е. посредством институтов). «Живучесть» экономических принципов рентного присвоения обусловлена функционированием институтов собственности, политическими и экологическими предпосылками многокомпонентной экономики, в которой развиваются отношения общества. В этой связи особое практическое значение приобретает концепция лесной ренты как основы функционирования общественной стоимости, инспирируемой разнообразными факторами живой и искусственно созданной человеком среды, ее социально-экологическими издержками. Рентный механизм управления лесными ресурсами исходит из использования маржинального подхода и определенных границ ресурсов и групп пользователей, а также соответствий между правилами присвоения, способностей изменять правила и нормы на основе мониторинга и прогнозов, обеспечить необходимые инвестиции и транзакции и решать социальные конфликты.

Природная (лесная) рента – это экономическая категория, определяющая проведение экономико-экологической политики через государственные институты, несущие социально-экологические издержки, в то время как права собственности на землю и ресурсы обеспечиваются нормативной базой государства. Согласно высказываниям А. Лофтуса и его партнеров [19] рентные механизмы управления природными ресурсами возвращаются новой «волной». Стоит согласиться с этим утверждением, так как «уход» экономики в систему социальных потерь общества без поиска компромисса в рамках рентных «приобретений» лесов Беларуси (институциональных ценностей и смыслов) неминуемо ведет к системным сбоям в развитии, общественным конфликтам, природным катаклизмам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма / О. И. Уильямсон. Науч. ред. и вступ. ст. к. э. н. В.С. Катыкало ; пер. с англ. – СПб. : Лениздат SEV Press, 1996. – 702 с.
2. Эффекты институциональных различий и институциональной ренты в российской экономике : докл. / А.А. Блохин [и др.] // Ин-т народнохозяйств. прогнозирования РАН. – Режим доступа: ecfor.ru/publication/effecty-institutsionalnyh-razlichij-i-institutsionalnoj-renty-v-rossijskoj-economike/. – Дата обращения: 15.05.2019.
3. Лесное управление / А.В. Неверов [и др.] ; под общ. ред. А.В. Неверова. – Минск : Пачатковая школа, 2014. – 400 с.
4. Вегера, С.Г. Развитие методологии бухгалтерского учета земли в контексте современной теории ренты / С.Г. Вегера. – Новополоцк : ПГУ, 2011. – 464 с.
5. Лемещенко, П.С. Экономический кризис как институциональная форма и ступень отрицания капитала / П.С. Лемещенко // Журнал институциональных исследований. – 2016. – Т. 8 (№ 4). – С. 72–86.
6. Torvik, R. Natural resources, rent seeking and welfare / R. Torvik // *Journal of Development Economics*. – 2002. – Vol. 67, Issue 2. – P. 455–470.
7. Curzio, A. Q. Rent, Resources, Technologies / A. Q. Curzio, F. Pellizzari. – Berlin : Springer – Verlag Berlin Heidelberg GmbH, 1999. – 253 p.
8. Congleton, R. D. 40 Yers of Research on Rent Seeking 2. Applications: Rent Seeking in Practice / Roger D. Congleton, Arye L. Hillman, Kai A. Konrad. – Berlin : Springer – Verlag Berlin Heidelberg GmbH, 1999. – 253 p.
9. Bohnet, I. Rent Leaving / I. Bohnet, S. Frey Bruno // *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE)*. – 1997. – Vol. 153, No. 4 – P. 711–721.
10. Каштелян, Т.В. Рентные отношения в лесном хозяйстве: институциональная парадигма / Т.В. Каштелян // Труды БГТУ. – 2018. – № 2. – С. 46–51.
11. Каштелян, Т.В. Проблемы разграничения институциональных сдвигов в экономике и оценка перспектив развития лесного сектора Беларуси / Т.В. Каштелян // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2018. – № 5(110). – С. 133–139.
12. Makadok, R. Toward a synthesis of the resource-based and dynamic-capability views of rent creation / R. Makadok. // *Strategic Management Journal*. – 2001. – Vol. 22, Issue 5. – P. 387–401.

13. Большаков, Н.М. Методологические основы формирования рентных платежей в лесопользовании [Электронный ресурс] / Н.М. Большаков // Научно-технический прогресс в лесном комплексе : материалы междунар. науч.-практ. конф., 18-20 апр. 2000 г., Сыктывкар. СЛИ. – URL: sli.komi.com/bolshakov/science_speech.asp?c11. – Дата обращения: 19.01.2019.
14. Моисеев, Н.А. Лесная экономика в системе лесопользования в теории и на практике / Н.А. Моисеев. // Лесн. журнал. – 2015. – № 6. – С. 9–30. (Известия высших учебных заведений).
15. Viitala, E.-J. Faustmann formula before Faustmann in German territorial states / E.-J. Viitala // Forest Policy and Economic. – 2016. – Vol. 65. – P. 47–58.
16. Abdulahi, M. E. Resource rents, economic growth, and role of institutional quality: a panel threshold analysis / M. E. Abdulahi, Yang Shu, M. A. Khan // Resources Policy. – 2019. – Vol. 61. – P. 293–303.
17. Kolstand, I. Corruption in NRM: application of policy / I. Kolstand, T. Soreide // Resources Policy. – 2009. – Vol. 34, Issue 4. – P. 214–226.
18. Tullock, G. The Economic of Special Privilege and Rent Seeking / G. Tullock. – Berlin : Springer Science Business Media, LLC, 2013. – 103 p.
19. Loftus, A. The Political economy of water infrastructure: An introduction to financialization [Electronic resource] / A. Loftus, H. March, T. F. Purcell // Wiley Interdisciplinary Reviews: Water 6 (1) : e1326. – Режим доступа: WileyLibrary. – Дата обращения 15.05.2019.

Поступила 17.05.2019

RENTAL MECHANISM OF FOREST-RESOURCES MANAGEMENT IN BELARUS: THEORY AND PRACTICE

T. KASHTELIAN

The author analyzes the theory of rent and rental relations, the practice of the functioning of the forest complex economy with an emphasis on the peculiarity of rent-institutional determinations of the national economy. The author presents a system of phased vision and holistic disclosure of the economy rental identification problem, associated with the creation and use of forest resources. The relationship «farm–society» is considered as one of the phenomena that has become a preliminary real embodiment of forest rent. The sources and some original directions of the rent mechanism of forest resource management are analyzed, which are based on the development of the socio-ecological environment through the forest rent financialization. The possible analytical components of the forests rental potential formation are determined. It is proposed to consider the economic mechanism of forest resource management in Belarus as a set of connections in the national system of forest production and reproduction through the prism of the need to position the rent determination of the economic behavior of actors. This involves consideration of the institutions functioning results, the practice of economic and socio-environmental costs.

Keywords: *rent, rental relations, «farm–society», determination, institutes, factors, finances, assignment, transformational rent, socio-environmental costs.*